

Деятельность — это кризис абстрактного труда.

Существует постоянная борьба деятельности внутри, против и вовне абстрактного труда. Но не являются ли эти схватки просто романтическими порывами, изначально обречёнными на поглощение неостановимым потоком стоимости-абстрактного-труда-капитала? Или же есть какой-то способ, которым эта борьба, сколь жалкой она бы ни казалась временами, создаёт кризис капитала и начало нового общества?

1. СУЩЕСТВУЕТ ПОСТОЯННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И АБСТРАКТНЫМ ТРУДОМ.

Мы все рвёмся на привязи. Мы всё время сопротивляемся чужеродной деятельности, либо пытаюсь убежать от нее (через болезнь, через уход на пенсию, через забастовки, прогулы и т.д.), либо перестраивая её настолько, насколько это возможно. Деятельность — это хрупкость абстракции, постоянная угроза дисциплине труда. В этом смысле мы можем говорить о деятельности, как о перманентном кризисе капитализма. Фрустрация — это ядро капитализма, его центральное, взрывоопасное противоречие^[1].

Обычно эта фрустрация, эта деятельность против труда осуществляется незримо. Она заметнее в силах, предназначенных для её сдерживания. Управление в целом направлено на сдерживание напряжения, на вмещение энергии деятельности в дисциплину труда. Расширение кредита в последние пятьдесят лет также играет важную роль в сдерживании фрустрации. А ещё есть полиция, психиатры и психологи, учителя, социальные работники и родители: целый мир, говорящий нам, что альтернативы труду нет. Когда мы заканчиваем школу, нам не сообщают, что у нас есть выбор — посвятить свою жизнь труду под диктатом денег или заняться деятельностью, которую мы (а может, и наше окружение), сочтём приятной или значащей. Выбор невидим: нам просто говорят, что теперь мы взрослые и должны зарабатывать себе на жизнь трудом. Абстрактный труд навязывает себя через сокрытие деятельности. Труд царит, будучи унитарным, представляя себя трудом-без-альтернативы — так, что даже разговор о двойственном характере труда или об антагонизме между деятельностью и трудом наводит на мысль о легкомыслии^[2]. И всё-таки мы всё время озабочены всем этим.

2. НАПРЯЖЕНИЕ МЕЖДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ТРУДОМ ИЗНАЧАЛЬНО И ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕУСТОЙЧИВО.

Абстракция деятельности в труд, как мы видели, неотделима от стремления производить товары за общественно необходимое рабочее время. Время, которое необходимо для производства товаров — это то, что определяет продаваемость товаров на рынке. Существует постоянное стремление сократить время, необходимое для производства товара, реализуемое через конкуренцию: если я (как капиталист) могу производить свои товары быстрее, чем мой

конкурент, то я получу больше прибыли. Если я не смогу поспевать за моими конкурентами в течение времени, необходимого для производства моих товаров, меня скоро вытеснят из бизнеса. Деятельность, производившая стоимость сто лет тому назад или даже десять-двадцать лет тому назад, вполне вероятно, будет теперь бесполезна для капитала просто потому, что средства абстрактного труда изменились. Поэтому меня побуждают постоянно сокращать рабочее время, необходимое для производства моих товаров, при помощи интенсификации процесса труда, а также за счёт исключения рабочей силы и замены её машинами. Абстракция деятельности в труд — это постоянное затягивание гаек, постоянная дестабилизация напряжённых отношений между деятельностью и трудом.

Постоянное затягивание гаек общественно необходимого рабочего времени усиливает социальное несоответствие. По мере того как капитал требует всё больше и больше, становится всё труднее соответствовать его требованиям. Усиленное несоответствие выражается в двойном бегстве от труда. С точки зрения капитала, постоянное стремление сократить необходимое рабочее время ведёт к вытеснению рабочего из трудового процесса и замене его машинами. Это приводит к тому, что Маркс называет «повышением органического состава капитала» — к прогрессивному увеличению соотношения между затратами на машины и затратами на рабочую силу в процессе капиталистического производства. Капитал зависит от труда для своего производства, но он постоянно бежит от этой зависимости, заменяя труд машинами, заменяя живущих мёртвым трудом. Он бежит от этой зависимости, но убежать не может, поскольку сам всё ещё зависит от труда для производства стоимости и прибыли. На уровне капитала в целом (хотя и не обязательно на уровне отдельного капиталиста) бегство от труда ведёт к падению общей нормы прибыли, что для отдельного капиталиста выражается в усилении конкуренции и всё более неистовой попытке сократить необходимое рабочее время путём интенсификации процесса труда и замены рабочего машинами.

На другой стороне тоже есть бегство от труда. Но если побег капитала от труда есть бег в головокружительную пустоту, поскольку он не может существовать без труда, то для рабочих побег от труда есть бегство в деятельность. Это может быть добровольным, поскольку люди пытаются избежать давления капиталистического процесса труда. Это может быть и вынужденным: те, кто был изгнан из процесса труда или те, кто никогда не был в основном поглощён капиталистической занятостью, должны найти иные способы выживания. Часто эта борьба за выживание включает в себя ещё более прямое подчинение рынку (продажа жевательной резинки, воздушных шаров, игрушек, чего угодно, например, на светофорах больших городов), но она также порождает структуры взаимной поддержки между семьями, общинами или группами друзей, и в этом смысле и отход от абстрактного труда, и рост социально самоопределённой деятельности.

Постоянная интенсификация, присущая абстрактному труду, имеет тенденцию подрывать его собственное существование. Происходит постепенное изгнание и отталкивание: рабочих выгоняют и отталкивают. Труд (а не только капитал) начинает восприниматься как враг, и люди по своему выбору или необходимости ищут разные способы жизни, разные способы организации своей деятельности. Деятельность, заключённая в труде, сделанная трудом невидимой, начинает самоутверждаться. *Унитарный характер труда расколот.*

Динамика капитализма — это двойное бегство от труда. Со стороны капитала бегство может закончиться только возвращением к труду и его интенсификацией. Со стороны рабочих бегство от труда открывает перспективы иного мира, организованного на основе осознанно контролируемой деятельности. С обеих сторон бегство от труда означает кризис капитала, ибо именно абстрактный труд производит стоимость, субстанцию капиталистической прибыли, и именно абстрактный труд обеспечивает социальную сплоченность, скрепляющую капитализм. Но есть два выхода из кризиса: капиталистическое решение (интенсификация и изгнание труда) углубляет яму и готовит путь к еще более глубокому кризису в следующий раз, в то время как антикапиталистическое решение отделяет деятельность от абстрактного труда и открывает прямую и непосредственную перспективу совершенно иного мира.

3. КРИЗИС КАПИТАЛА — РАЗДЕЛЕНИЕ ЕДИНОГО ХАРАКТЕРА ТРУДА: ЭТО ТОТ КРИЗИС, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЁМ.

Высшая точка абстрактного труда была высшей точкой рабочего движения. Период после Второй мировой войны характеризовался быстрым накоплением капитала, ставшим возможным благодаря массовому поражению рабочего класса фашизмом и войной, что, в свою очередь, позволило широко внедрить новые методы производства. Это период, часто называемый фордизмом, характеризуется массивными фабриками и высокоавтоматизированными производственными технологиями, где рабочие, как никогда ранее, становятся простыми придатками машины, позициями сборочной линии. При фордизме абстракция деятельности доведена до предела: труд лишен всякого смысла. Взамен рабочие получают относительно высокую заработную плату, поддерживается политика полной занятости и развитие государства всеобщего благосостояния — по крайней мере в более богатых странах, что в свою очередь способствует потреблению топлива и воспроизводству всей системы капиталистического производства. Это золотой век профсоюзов, очевидное сведение антагонизма между трудом и капиталом к ежегодным раундам переговоров о заработной плате и к тесным отношениям между профсоюзами и государствами. Это золотой век рабочего движения и всего, что мы ранее рассмотрели, всего, связанного с абстрактным трудом (позитивистская мысль, доминирующая мужская диморфная сексуальность, безусловное подчинение природы прогрессу, понимание изменений в терминах тотальности, отождествляемой с государством, и т.д.). Полная занятость — это закрытие клетки, полное воцарение унитарного, абстрактного труда: жизнедеятельность — это занятость, это абстрактный труд, а альтернативы нет.

Это плотное, напряженное переплетение распадается в 1968^[3] году, когда поколение, уже не столь укрощённое опытом фашизма и войны, встаёт и говорит: "нет, мы не будем посвящать свою жизнь господству денег, мы не будем посвящать все дни своей жизни абстрактному труду, мы вместо этого будем делать что-то иное". Бунт против капитала выражает себя открыто, в виде того, чем он всегда является и должен быть: бунт против труда. Становится ясно, что мы не можем думать о классовой борьбе как о труде против капитала, потому что труд находится на той же стороне, что и капитал, труд производит капитал. Это то, что высказывается в университетах, это то, что высказывается на заводах, это то, что было высказано на улицах в 1968 году. Именно это делает невозможным для капитала увеличение нормы эксплуатации в

достаточной степени, чтобы поддержать норму прибыли и удержать фордизм на месте. Это восстание, направленное против всех аспектов абстракции труда: не только против отчуждения труда в узком смысле, но и против фетишизации пола, природы, времени, пространства, а также против государственных форм организации, являющихся частью этой фетишизации. Наступает освобождение, эмансипация: становится возможным думать и делать то, что раньше было невозможно. Сила взрыва, сила борьбы раскалывает категорию труда (открытую Марксом, но практически закрытую марксистской традицией), а вместе с ней и все другие категории мышления.

Это разделение на категории труда бросает нас в новый мир. Это, конечно, не совсем ново: неприятие труда — это нить, проходящая через всю историю антикапиталистической борьбы^[4]. Что действительно ново, так это центральная роль, которую неприятие труда приобретает в кризис фордизма.

На первый взгляд кризис труда^[5] кажется нам поражением. Кризис абстрактного труда неизбежно есть кризис движения, построенного на основе абстрактного труда — рабочего движения. Кризис рабочего движения очевиден: упадок профсоюзного движения во всем мире, катастрофическая эрозия многих прошлых материальных завоеваний рабочего движения, фактическое исчезновение социал-демократических партий с реальной приверженностью радикальным реформам, распад Советского Союза и других "коммунистических стран" и интеграция Китая в мировой капитализм, поражение национально-освободительных движений в Латинской Америке и Африке и кризис марксизма — как внутри университетов, так и, прежде всего, как теории борьбы.

Всё это в широком смысле рассматривается как историческое поражение рабочего класса. Историческое поражение? Несомненно. Но поражение чего? Поражение рабочего движения, движения, основанного на абстрактном труде. Поражение движения, заключённого в фетишизированные формы абстрактного труда. Поражение в борьбе труда против капитала и, возможно, начало для борьбы деятельности против труда и капитала. Если это так, то это не поражение классовой борьбы, а переход на более глубокий уровень классовой борьбы.

Кризис труда (а следовательно, и борьбы труда с капиталом) переносит нас в мир иных измерений. Классовая борьба продолжает оставаться в центре внимания. Мы всё ещё находимся в капитализме, в обществе, движимом погоней за прибылью и основанном, следовательно, на постоянной борьбе за подчинение человеческой деятельности требованиям производства прибыли и на противоположной борьбе за освобождение человеческой деятельности от этой детерминации. Классовая борьба занимает центральное место, но она изменилась и продолжает меняться. Уже недостаточно думать о ней, как о борьбе труда с капиталом (поскольку данная формулировка не ставит под сомнение унитарный характер труда). Мы вынуждены изучать новый язык борьбы с новой концепцией. Мы, как выразился Серхио Тишлер, находимся в полутени порога, всё ещё пытаюсь ясно различить новые формы борьбы, увидеть наш путь вперёд. Это время сомнений и неуверенности, возможно, время открытия нового мира, а возможно, и нет. Спрашивать — это для нас единственный способ идти^[6].

Общие условия борьбы вытекают из анализа кризиса, как кризиса абстрактного труда, то есть кризиса абстракции деятельности в труд. С капиталистической стороны разрешение кризиса означает переориентацию деятельности на параметры абстрактного труда и удержание его в данных параметрах. Проще говоря, это означает занятость и поддержание дисциплины в процессе труда, то есть принуждение людей к абстрактному труду. Для тех, кто не работает, это означает введение социальной дисциплины, гарантирующей, что их деятельность остаётся в общих рамках, определяемых абстрактным трудом. Для капитала важно вновь закрепить унитарный характер труда, показать, что нет альтернативы труду, производящему стоимость, труду, делающему деньги. Не должно быть никакого спасения от труда. В странах с системой социального государства крайне важно ужесточить правила, чтобы они не предоставляли убежища тем, кто может захотеть заняться чем-то иным в своей жизни. То же самое и в университетах: нельзя допустить, чтобы они стали местами отдыха или (хуже того) размышления: необходимо ужесточить систему образования, ускорить процесс обучения и, прежде всего, постоянно измерять производительность труда как преподавателей, так и студентов, чтобы их деятельность содержалась в абстрактном труде^[7]. Неолиберализм, постфордизм, постмодернизм — это названия различных аспектов данной борьбы за подчинение человеческой деятельности власти денег, за восстановление идеи о том, что нет альтернативы труду, что вся возможная человеческая деятельность заключена в рамках власти труда.

Это длительная и постоянная борьба: это не новая устойчивая модель господства, хотя упомянутые термины (неолиберализм, постфордизм, постмодернизм) могут представлять её как таковую. Решающим фактором в борьбе за возрождение труда является расширение кредита. Кредит создаёт вымышленный мир, мир, основанный на ожиданиях будущей прибавочной стоимости. Он позволяет отдельным капиталам избежать банкротства и в этом смысле смягчает обрушение клетки полной занятости – абстрактного труда. Вымышленный мир кредита, таким образом, смягчает суровость дисциплин абстрактного труда, но также расширяет и углубляет их. Компания, погрязшая в долгах, должна отчаянно стремиться повысить эффективность своей рабочей силы. И человек, погрязший в долгах, фактически вынужден продавать свою рабочую силу за деньги, чтобы выплатить долг. Рост долга создаёт образ стабильности, но в то же время является фундаментально нестабильным, потому что он основан на ожиданиях, которые могут и не реализоваться.

Если борьба с точки зрения капитала — это борьба за то, чтобы закрыть возможность иной организации человеческой деятельности, за то, чтобы запечатать унитарный характер труда, то борьба с капиталом должна состоять в том, чтобы вскрыть раскол, разорвать оболочку, удерживающую человеческую деятельность в плену, сделать всё возможное, чтобы реализовать возможность иной деятельности.

В центре всего этого — прекариатизация труда. Во всём мире наблюдается снижение относительной стабильности занятости, что для многих характеризует период фордизма. Уступки, достигнутые профсоюзной борьбой, повсюду отменены новым трудовым законодательством. Занятость стала гораздо более нестабильной, гораздо более вероятной, основанной на краткосрочных контрактах и переменном графике работы. Это означает

значительные материальные и эмоциональные трудности для миллионов людей. И всё же, если мы сосредоточимся исключительно на страданиях по данному поводу, мы упустим из виду очевидное о прекариатизации труда. Она есть именно то, что она есть: прекариатизация капитала, прекариатизация труда, создающего капитал. Люди вынуждены развивать иные формы социальных отношений и иные формы деятельности в качестве основы для выживания. Страдание, присущее прекариатизации, может обернуться (и оборачивается) в свою противоположность — подъём деятельности против труда. То же и с безработицей: рост безработицы означает колоссальные трудности для миллионов и миллионов людей, но призывать к возвращению к полной занятости, как это делает и должно делать рабочее движение — значит призывать к закрытию унитарного труда, значит провозглашать занятость как единственный путь вперёд для человеческих действий (по крайней мере, на данный момент), провозглашать подчинение деятельности абстрактному труду. Альтернатива состоит в том, чтобы заявить, что мы не хотим возвращения к занятости и, предположительно, эксплуатации, что мы хотим формировать нашу собственную деятельность в соответствии с тем, что мы считаем желательным или необходимым, как это сделали радикальные группы безработных в Аргентине и других странах в ходе своей борьбы и преодолений.

Трудно видеть путь вперёд, трудно создавать пути, но совершенно ясно, что прекариатизация труда во всех её смыслах является критической проблемой, что будущее мира зависит от вскрытия унитарного характера труда.

4. КРИЗИС АБСТРАКТНОГО ТРУДА — ЭТО КРИЗИС ЕГО ТЕОРИИ.

Кризис абстрактного труда — это неизбежно кризис движения, построенного на основе абстрактного труда, кризис рабочего движения. Ортодоксальный марксизм, то есть марксизм, базирующийся на единой концепции труда (со всем, что она влечёт за собой), всё больше отдаляется от движения антикапиталистической борьбы и подвергается широкой критике, причем не только со стороны его извечных буржуазных противников, но и со стороны тех, кто сомневается в его актуальности в современной борьбе.

Кризис старой теории — это начало новой богатой теоретической ферментации, начало множества попыток теоретизировать нашу борьбу и подумать, как, чёрт побери, нам выбраться из того бардака, в котором мы находимся. Здесь не место для обзора этих теорий, но есть три направления, которые особенно важны и могут помочь в прояснении аргумента, выдвигаемого здесь.

Во-первых, кризис абстрактного труда и его теории отражается в растущем влиянии анархизма и анархической теории. Это можно рассматривать как «новый анархизм» (Гребер, 2002), в котором старая жёсткая враждебность к марксизму больше не играет заметной роли. Многие формы действия, порывающие с традициями рабочего движения, происходят из анархистской традиции: «Само понятие прямого действия с его отрицанием политики, призывающей правительства поменять своё поведение, в пользу физического воздействия против государственной власти в форме, которая сама по себе подразумевает альтернативу, — всё это возникает напрямую» из традиции анархизма (там же). Анархистская традиция явно имеет отношение ко всей дискуссии о трещинах, особенно во второй части настоящей книги, и

многие из авторов, цитируемых в ходе обсуждения трещин, вероятно, считают себя частью данной традиции. Действительно, можно сказать, что там, где ортодоксальный марксизм с его допущением унитарного понятия труда теоретизировал на основе борьбы абстрактного труда, именно анархистская теория более чётко фокусировалась на конкретной деятельности, по крайней мере в смысле разрыва здесь и сейчас с ограничениями абстрактного труда.

Является ли в таком случае нынешний аргумент анархистским?^[8] Это не имеет значения, отчасти потому, что старые различия пали, и любое навешивание ярлыков идёт вразрез с мыслью^[9]: ярлыки — это грубое выражение процесса идентификации и классификации, который, как мы видели, порождается абстрактным трудом. Гораздо более существенно то, что представленный здесь аргумент является аргументом как против анархистской традиции, так и против марксистской. Критика как анархической, так и марксистской традиции действительно запечатлена в структуре аргументации. Мы начинаем с отказов-и-созиданий, с того, что не вписывается в капиталистическую систему: вот где марксизм с его акцентом на анализе господства был слаб, а анархизм был силён. Но затем размышление о борьбе и её проблемах приводит нас к социальной сплоченности и её противоречиям: мы приходим к анализу двойственного характера труда. Здесь мы оставляем анархизм позади и вступаем в дебаты, более релевантные марксистской традиции. Однако наша отправная точка остается решающей и заставляет нас плыть против течения марксистской мысли. Так куда же тогда вписывается этот аргумент, в какую традицию? Если он верен своей тематике, он никуда не вписывается.

Вторым элементом новой ферментации теории стало обновлённая постановка вопроса о двойственном характере труда в марксистских дискуссиях последних лет. Особенно важной в современных дебатах является книга Мойше Постона «*Время, труд и социальное господство*» (1996), в которой он выдвигает "переосмысление критической теории Маркса", основанное на критике трансисторической и унитарной концепции труда, характерной для марксистской традиции. Таким образом ясно, что основная проблема книги Постона тесно связана с главными вопросами аргументации, представленной здесь. Именно потому, что это важная и строгая книга, необходимо объяснить различия в наших аргументах.

Здесь опять-таки утверждается решающее значение исходной точки. Основное различие между подходом Постона и аргументом, представленным здесь, можно увидеть в терминах начальной точки^[10]. Постон начинает с представления своей концепции «капитализма в терминах исторически специфической формы социальной взаимозависимости с безличным и кажущимся объективным характером. Эта форма взаимозависимости осуществляется исторически уникальными формами социальных отношений, конституирующихся определёнными формами социальной практики и, тем не менее, становящихся квази-независимыми от людей, вовлечённых в эти практики». (Postone 1996: 3). Я разделяю эту концепцию и, подобно Постону, рассматриваю исторически специфическую форму взаимозависимости, как конституируемую абстрактным трудом. Разница заключается в том, что данная книга начинается не с вопроса о том, как концептуализировать капитализм, а с грубого несоответствия, с крика, с решимости сломать здесь и сейчас исторически определённую форму взаимозависимости. Данное несоответствие не является лёгкой преамбулой к более тяжёлой теоретической дискуссии, следующей позже, но является самой сердцевиной теории. То, что мы ищем — это не

понимание социальной взаимозависимости, а теория того, как её разрушить. Исходя из этого несоответствия, мы можем понять капиталистические формы общественных отношений (и в их центре — абстрактный труд) только как формы, раздутые собственным отрицанием, формы, не содержащие своего содержания, но из которых оно постоянно вытекает. Постон проводит чёткое различие между противоречием и антагонизмом (там же, с. 34), тогда как исходная точка этого аргумента делает такое различие невозможным. Для Посто́на конкретный труд существует как противоречие внутри абстрактного труда, но не как живой антагонизм, здесь же конкретная деятельность с самого начала выступает как вопиющий антагонизм ^[11]. В книге Посто́на нет понимания статического отношения между абстрактным и конкретным трудом, так что вновь двуединая природа труда, которую он столь справедливо выделяет, сводится на практике к одноединой природе, абстрактному труду. Следовательно, перспектива формы деятельности, выходящей за пределы абстрактного труда, постоянно представляется скорее как возможность, чем как настоящая борьба. Этот последний пункт имеет важные политические последствия, поскольку он (вновь) приводит к теории капитализма, оторванной от современной борьбы: несмотря на радикальный характер его критики традиционного марксизма, Постон воспроизводит разделение между капиталом и классовой борьбой, являющееся одним из характерных признаков этой традиции – проблема, повторяющаяся в работе группы Krisis, также очень важной и имеющей аналогичную теоретическую перспективу.

Третье направление недавних дискуссий, которое необходимо рассмотреть, сосредоточено на концепции самооценности. Термин придуман Тони Негри, но особенно поучительно взглянуть на работу Гарри Кливера (Cleaver 1979, 1992). Меж всех марксистских комментаторов исключительно Кливер напрямую обращается к политическому значению двойственной природы труда. В своей книге *«Политическое прочтение капитала»* он посвящает данной теме главу и ставит вопрос о том, как "интерпретировать данную дихотомию между полезным трудом и абстрактным трудом политически" (Cleaver 1979: 131). Он предполагает, однако, что полезный труд полностью подчинён абстрактному труду:

Ликвидация капиталистического труда или абстрактного труда может означать только ликвидацию конкретного полезного труда, поскольку это деятельность, навязанная как форма общественного контроля... Полезный труд в промышленности, независимо от того, относится ли он к периоду фабричного производства или к периоду производства автоматического, всегда определяется потребностью капитала контролировать класс. Поскольку полезный труд таким образом является производителем стоимости/контроля, а также потребительной стоимости, его нельзя «освободить». В его нынешних формах он должен быть разрушен, чтобы разрушить саму ценность. (там же: 132)

В более поздней статье Кливер присоединяет к понятию «самоценности» некоторые характеристики, которые в настоящей работе были концептуализированы в терминах движения деятельности против труда. Самоценность, согласно Кливеру, «указывает на процесс валоризации, который автономен от капиталистической валоризации – процесс самоопределения, выходящего за рамки простого сопротивления капиталистической валоризации к позитивному проекту самоконституции» (Cleaver 1992: 129). В той же статье он

говорит о "многих процессах самоценности или самоконституции, ускользающих от контроля капитала" (там же: 134).

Ясно, что мы говорим более или менее об одних и тех же процессах восстания, пытаюсь их понять. Кливер предпочитает концептуализировать их как процессы самоценности, в то время как я рассматриваю их как выражение антагонизма между конкретной деятельностью и абстрактным трудом. Имеет ли значение данное различие? Вот вопрос, который затрагивает всю аргументацию настоящей книги: когда существует такой устоявшийся термин, как самоценность, почему я оставляю его в стороне и говорю вместо этого о двойственном характере труда, настаивая (несмотря на всю весомость традиции), что отношение между абстрактным и конкретным трудом должно рассматриваться как живой антагонизм?

Главный вопрос — это вопрос о внешней связи между капиталом и классовой борьбой. Мы видели, что разделение между капиталом и борьбой является характерной чертой традиционного марксизма и что то же самое (в конечном счете структуралистское) различие повторяется в критике марксистской традиции Постоном. Кливер (и, конечно, Негри и *операистская* традиция) подходят к делу с другой стороны, потому что они борются на переднем плане, но категории сами по себе никогда не понимались в качестве концепций борьбы^[12], так что экстернальность не исчезает^[13]. В этом отношении показателен отказ Кливера от двойственной природы труда как антагонистического отношения и его поддержка концепции самоценности как процесса, «независимого от капиталистической валоризации. Он также продолжает говорить, что «отказ от работы ... создаёт саму возможность самоценности» (Cleaver 1992: 130).

Эта внешняя сторона имеет значение просто потому, что она удаляет самоценность из повседневного опыта труда. Это становится чем-то особенным, а не рутинным опытом повседневной деятельности внутри, против и вне труда. Возможно, большая привлекательность, сила и слабость автономистской или *операистской* теории заключается в том, что это теория для активистов, теория активности — но активности, отделённой от опыта повседневной жизни. Я хочу выйти за пределы этого и обосновать наше понимание бунта в повседневной жизни. Здесь я утверждаю, что стержнем для понимания не только политической экономии, но и социального антагонизма является двойственная природа труда, и что данная двойственная природа труда есть неотъемлемый и постоянный антагонизм повседневной деятельности и жизни. Проще говоря, жизнь — это антагонизм между деятельностью и абстрактным трудом^[14], а активизм — это просто особенно интенсивное выражение данного всепроникающего антагонизма, от которого он отделяется на свой страх и риск^[15].

5. КРИЗИС АБСТРАКТНОГО ТРУДА ОТКРЫТ.

Существуют утверждающие, что восстание против труда уже закрыто.

Автономистская (или *операистская*) интерпретация кризиса 1960-х и 1970-х годов придаёт центральное значение восстанию рабочих против труда. Рабочие уже не были готовы принять крайнее отчуждение труда, которое подразумевала фордистская организация производства. Всегда присутствующее переполнение рабочего движения стало бурным. Все больше и больше

рабочих выходило за рамки профсоюзов и выступало против профсоюзов. Все чаще акции были направлены не только на переговоры о повышении заработной платы, но и против труда как такового: значительно возросли прогулы и саботаж. Боевые действия на автомобильных заводах Италии, организованные и теоретически обоснованные *операизмом* 1960-х и 1970-х годов, были пиком гораздо более глубокого отрицания не только фордизма, но и капиталистического труда^[16].

А что потом? Для некоторых ведущих авторов, связанных с движением *операиста* (ныне часто именуемым *пост-операиста*), кризис фордизма был преодолен и установилась новая постфордистская модель господства. Так, например, Вирно утверждает: «Я считаю, что в 1960-е и 1970-е годы западный мир пережил побеждённую революцию — первую революцию, направленную не против бедности и отсталости, а против средств капиталистического производства, против фордистского конвейера и наёмного труда. Постфордизм, гибридные формы жизни, характерные для современных масс, являются ответом на эту побеждённую революцию» (Virno 2004: 111). Постфордизм — это "преодоление общества труда" внутри самого капитализма, общество, в котором богатство производится не трудом отдельных людей, а наукой или "общим интеллектом", общество, в котором "уже нет ничего, что отличало бы труд от остальной человеческой деятельности" (там же: 101-102), и нет больше никакой разницы между рабочим и нерабочим временем. Аналогично «с точки зрения "что" делается и "как" это делается, больше нет никакой существенной разницы между занятостью и безработицей. Можно было бы сказать: безработица — это неоплачиваемый труд, а труд, в свою очередь — это оплачиваемая безработица» (там же: 103). Великая волна подчинения 1960-х и 1970-х годов глубоко изменила капитализм (настолько, что Вирно говорит о постфордизме как о "коммунизме капитала") (там же: 110): «Шедевр итальянского капитализма состоит в том, что он превратил в производительный ресурс именно те формы поведения, которые сначала проявлялись под видом радикального конфликта» (там же: 99). Неповиновение, казалось бы, задушено, полезная деятельность полностью подчинена абстрактному труду (хотя в данном анализе различие никогда не делается явным): единственная возможность — это выход, исход.

Анализ, безусловно, вызывает признательность. Внедрение гибкого графика работы и более неформальных практик является установившейся управленческой практикой на многих рабочих местах. Развитие информационных технологий и использование ноутбуков сделали работу из дома гораздо более распространённой, так что строгая граница между местом и временем труда стала размытой. Однако переход от этого наблюдения к утверждению, что "больше нет никакой разницы между рабочим и нерабочим временем", является явным преувеличением. Для большинства людей всё ещё существует чёткое различие между рабочим и нерабочим временем. Аналогично крайне неверно говорить, что "больше нет ничего, что отличало бы труд от остальной человеческой деятельности", хотя можно было бы сказать, что существует размытие различия между трудом и другими видами деятельности. Данные утверждения можно было бы защитить ссылкой на то, что Негри называет "методом тенденции", на идею о том, что теоретик должен выявить тенденции в текущем развитии и привести их в согласованную картину или парадигму развивающегося шаблона господства. Таким образом, характеристики, упомянутые Вирно, совместимы с идеей "социальной

фабрики", выдвинутой Негри, идеей о том, что в современном капитализме дисциплина фабрики была эффективно распространена на всё общество (идея, получившая дальнейшее развитие в "интегрированном мировом капитализме" Гваттари и Негри (1985/1990) и в "империи" Хардта и Негри (2000)). Привлекательность этих подходов заключается в том, что они указывают на реальные тенденции и подчёркивают радикальный характер современного капиталистического развития. Проблема в том, что они закрывают (или отодвигают на самый край) возможности революционных перемен. Проще говоря, тенденция современного развития состоит в том, что гуманизм уничтожается.

Подчёркивая тенденции доминирования, мы имеем дело с чрезмерно поспешным завершением кризиса. Важность кризиса фордизма признается, но сразу же внимание сосредоточивается на структуре новых форм господства. Структура рухнула, поэтому мы должны немедленно теоретизировать новую парадигму господства – постфордизм, империю, постмодернизм, назовите это как хотите. Король умер, да здравствует король! Подчёркивается непрерывность, разрыв становится теоретической невозможностью (или посторонней возможностью, как это всегда было в ортодоксальной (ленинской) теории). Подчёркивается преемственность — это преемственность структуры: проходит реструктуризация, но новая структура закрыта, как и старая. Структуралистская мысль, являющаяся одним из аспектов господства абстрактного труда, распространяется через кризис абстрактного труда к утверждению абсолютного господства абстрактного труда. Если "больше нет ничего, что отличало бы труд от остальной человеческой деятельности", то конкретная деятельность полностью поглощается абстрактным трудом, и вопрос о «против-и-вне» не стоит. Трещина, экстаз конкретной деятельности, выход полезной деятельности из-и-за-пределы абстрактного труда, открытие — вот то, что теряется. Пост-операистские, постструктуралистские теоретики распространяют узилище мысли, бывшее частью господства абстрактного труда, на кризис абстрактного труда. Как только мир открывается, они бросаются вперёд, чтобы закрыть его, но не потому, что они поддерживают капитал, а потому, что таково их понимание научного метода.

В данной книге используется совершенно иной метод. Как объяснялось в первой части, это метод трещин, метод кризиса. Вопрос не в том, «как мы понимаем шаблоны господства?», а в том, «как нам найти надежду в ночной тьме?» Как мы видим кризис там, где кажется, что его нет? Не для того, чтобы впасть в нереальный оптимизм, а чтобы следовать линиям реальной возможности. Итак, когда мы начинаем с явного кризиса труда, подобного кризису 1970-х годов, мы спрашиваем не «каков новый шаблон господства?», а скорее «как мы можем следовать продлевающимся в сегодняшний день линиям кризиса?» Как нам преодолеть антагонизм между деятельностью и трудом, который столь ясно проявился в 1968 году?

Подход, более близкий к предложенному здесь, по крайней мере в том смысле, что он настаивает на сохранении центральной роли кризиса труда, предложен группой Krisis^[17]. Данный коллектив также видит кризис фордизма как кризис труда, но они видят его как постоянный и непреодолимый кризис: «С наступлением третьей промышленной революции микроэлектронике трудовое общество достигло своего абсолютного исторического барьера»

(Krisis Gruppe 1999/2004: 27, с.11). Этот кризис они видят как неизбежный результат фундаментального противоречия:

То, что рано или поздно этот барьер будет преодолен, логически можно было предвидеть. С самого рождения товарная система страдает фатальным противоречием в терминах. С одной стороны, она живёт за счет массового потребления человеческой энергии, порождённой расходом чистой рабочей силы – чем больше, тем лучше. С другой стороны, закон эксплуатационной конкуренции обеспечивает постоянное повышение производительности, приводящее к замене человеческой рабочей силы научным эксплуатационным промышленным капиталом (там же: 27, с. 11).

В результате микроэлектронной революции:

... рационализируется больше рабочей силы, чем может быть поглощено расширением рынков. Как логическое следствие рационализации, электронная робототехника заменяет человеческую энергию или новая коммуникационная технология, соответственно, делает труд излишним. Целые отрасли и отделы строительства, производства, маркетинга, складирования, распределения и управления растворяются в воздухе. Впервые кумир труда непреднамеренно ограничивается постоянным голодным пайком, тем самым вызывая свою собственную смерть (там же).

В результате кризиса «капитализм становится глобальным событием меньшинства» (там же).

Согласно анализу группы Krisis, данный кризис труда, проявляющийся в росте структурной безработицы, а также в кризисе всей социальной и политической структуры, связанной с "обществом труда", не может быть преодолен. Кажущееся восстановление — это симуляция, основанная на расширении кредита: «Клинически мёртвый идол труда поддерживается искусственным дыханием, осуществляемым, казалось бы, самопроизвольной экспансией финансовых рынков» (там же, 33, с. 13). Эта фиктивная экспансия не может сохраняться вечно — просто потому, что она основана на предположении о будущей эксплуатации, которая никогда не произойдёт.

Анализ группы Krisis совпадает с аргументацией данной книги в области центрального акцента — на понимании труда, как ключевого элемента капиталистического господства, а также в настойчивом утверждении «логического тождества капитала и труда как функциональных категорий общей формы социального фетиша» (там же, 38, с. 15). Разница заключается в полном отсутствии двойственной природы труда, то есть в отсутствии упоминания о конкретной деятельности, как существующем в настоящее время антагонизме против абстрактного труда и вне его пределов. В результате эмансипированная деятельность предстаёт лишь как будущая возможность, лишённая какой-либо реальной основы в современном обществе^[18]. Без понимания эмансипированной деятельности как настоящей борьбы, члены трудового общества представляются собаками Павлова, и мы можем только надеяться, что они каким-то образом сумеют сломить свою обусловленность: «Нам не дано знать, смогут ли собаки Павлова уйти от своего обусловленного существования. Пока неизвестно, приведёт ли упадок труда к излечению от трудовой мании или к концу цивилизации» (там же, 44, с.17).

Другой способ выразить наши противоречия с анализом группы Krisis состоит в том, чтобы сказать, что они видят кризис труда как распад, показывающий необходимость революции, но не понимают его как *одновременный и непосредственный* потенциальный прорыв иного действия, человеческой деятельности, существующей не только в труде, но и противостоящей ему, а также существующей за его пределами. Несмотря на критику ортодоксального марксизма как теории труда, они следуют логике данной традиции, проводя различие между капиталом и классовой борьбой, а следовательно, между кризисом и борьбой. Согласно этой логике кризис капитала может только предоставить возможность для революционных изменений или указать на необходимость революционных изменений: толчок к изменениям не понимается как причина кризиса. Рассматривать деятельность (или конкретный труд) как кризис абстрактного труда — значит рассматривать толчок к переменам как ядро кризиса: кризис, таким образом, не крах, а потенциальный прорыв.

Перед лицом данных аргументов важно повторить аргумент, представленный здесь.

Существует постоянный антагонизм между абстрактным трудом и деятельностью, то есть между абстракцией деятельности в труд и стремлением деятельности к самоопределению: то, что Маркс называет двойственным характером труда. Между двумя видами действий существует отношение постоянного напряжения, но оно скрыто господством абстрактного труда. Абстрактный труд представляется единственно возможным видом действия: преобладает унитарное понятие труда. Абстрагированию деятельности в труд (и унитарному понятию труда) постоянно угрожает внутренняя динамика самой абстракции, постоянное затягивание гаек, присущее движению общественно необходимого рабочего времени. Унитарный характер категории труда впервые раскололся в массовом масштабе борьбой 1960-х и 1970-х годов: возникло признание борьбы альтернативной деятельности против труда и борьбы за такую деятельность. Этот раскол категории труда раскалывает всю конфигурацию абстрактного труда и все составляющие его категории. Все фетиши оказываются битвами между процессом фетишизации и процессом антифетишизации: сексуальность, государство, природа, деньги, тотальность, время и так далее. Эти битвы по-прежнему ведутся самыми разнообразными способами во многих местах. В этом суть трещин в капиталистическом командовании.

Видимость разрешения кризиса труда создаётся массовым расширением кредита и долга после 1970-х годов. Данное расширение кредита способствует реальному восстановлению дисциплины труда, но оно также создаёт мир, покоящийся на очень хрупкой основе. Кажущееся разрешение кризиса зиждется на азартной игре, на ожидании будущего производства прибавочной стоимости. Опасность говорить об этом кажущемся разрешении как о новой парадигме господства^[19] заключается в том, что оно придаёт ложную прочность тому, что является хрупкой и открытой ситуацией. Хрупкость этого разрешения стала очевидной после мирового финансового кризиса, разразившегося в 2008 году. Посредничество кредита превратило то, что было открыто кризисом труда (в 1970-е годы), в то, что теперь представляется финансовым кризисом, но основа кризиса остается прежней: слабость абстракции деятельности в труд, трудность сдерживания человеческих действий в рамках абстрактного труда.

Деятельность — это кризис труда. Важно придерживаться этого, потому что концепция кризиса как распада никуда нас не ведёт, кроме как в отчаянное соединение срочной необходимости и пустой возможности. Только если мы будем думать о кризисе как о прорыве, как о движении деятельности против труда и за его пределы, мы сможем открыть перспективы иного мира.

1. Фрустрация относится к противоречию между тем, что мы делаем, и тем, что мы могли бы сделать, между нашей действительностью и нашим потенциалом. Но крайне важно, чтобы это противоречие понималось как живой антагонизм. Отделить противоречие от антагонизма, как это делает, например, Постон (1996: 34), значит впасть в логику традиционного марксизма, который он критикует. [↗](#)
2. Неудивительно, что марксистская традиция предпочла забыть Маркса! [↗](#)
3. То есть примерно в 1968 году во многих частях мира. [↗](#)
4. Тема, особенно развитая анархистской традицией. [↗](#)
5. Полезное обсуждение кризиса труда с различных точек зрения см. в работе Exner и др. (2005). [↗](#)
6. Эта книга стремится стать частью процесса вопрошания. [↗](#)
7. По этому поводу см., например, Harvie (2006), Cuninghame (2009), Harvie and De Angelis (2009). [↗](#)
8. Иногда высказывается мнение (см. Day 2005: 157), что аргумент в «Измени мир» (Holloway 2002/2005) по сути своей является анархистским аргументом, не имеющим достаточного изящества или хороших манер, чтобы ссылаться на анархистские источники. Мой ответ заключается в том, что приклеивание ярлыка на аргумент не важно, и я приношу свои извинения за скудность ссылок. Точно так же, как я объяснял в предыдущей сноске, что моё цитирование примеров формируется тем фактом, что я живу в Латинской Америке, так и моё цитирование теоретических ссылок формируется тем фактом, что я живу в марксистской теории (или, возможно, внутри неё, против неё и за её пределами) в течение многих лет. [↗](#)
9. См. Bloch, «Думать — значит идти дальше» (1959/1986: 4). [↗](#)
10. Reitter (2004: 16) делает точно такой же вывод в своей критике книги Постона: «Моя основная проблема, однако, в том, что книга написана с точки зрения так называемого объективного, научного знания, а не с точки зрения бунта». [↗](#)
11. Одним из аспектов подхода Постона является то, что он понимает диалектику, как взаимодействие, а не как негативную, антагонистическую диалектику несоответствия. [↗](#)

12. Критику автономистской или *операистской* традиции с этой точки зрения см. у Holloway (2002/2005: 160–75). Это течение часто называют «открытым марксизмом» (см. три издания с таким названием: Bonefeld et al. 1992a, 1992b, 1995), в котором главным аргументом является понимание категорий как концептуализаций социальной борьбы. Последние критические дискуссии об открытом марксизме см. у Altamira (2006), Birkner and Foltin (2006). [↗](#)
13. Примерно то же самое можно сказать и в отношении утверждения Де Ангелиса (De Angelis, 2007) о том, что такая деятельность и социальные отношения должны рассматриваться *вне* капитала. [↗](#)
14. Другими словами, *жизнь* не следует рассматривать как трансисторическую категорию, как это часто трактуется. О критике этого понятия как части общей критики делезовской традиции см. Bonnet (2009). [↗](#)
15. Цель этого параграфа не в том, чтобы провести чёткие линии или прикрепить ярлыки, а скорее в том, чтобы стимулировать дискуссию и объяснить, почему я сосредотачиваюсь на двойственном характере труда как ключе к переосмыслению революционной теории. [↗](#)
16. Об *операизме* в целом см. Wright (2002) и Birkner and Foltin (2006). [↗](#)
17. Хорошее представление аргумента Krisis о кризисе абстрактного труда см. у Trenkle (2007). [↗](#)
18. Это та же проблема, что мы видели в анализе Постопа в предыдущем разделе. [↗](#)
19. Как и Хардт, и Негри (Hardt and Negri 2000). [↗](#)